

Лит. Россия. - 1990. - 9 марта (№10). - С. 21

— Вячеслав Михайлович, мы все, безусловно, рады мировому признанию «нашего» Зайцева. И все же. Вы, наверное, догадываетесь, о чем думаем мы, женщины, глядя на ваших длинноногих красавиц? Как мы с нашей работой, детьми, мужьями, проблемами далеки от этого идеала. Одеться не во что...

— Это и моя личная трагедия, которая не кончается. Именно она всегда толкала меня на рискованные поступки. В 1978 году у меня на «ура» прошел показ мод в Доме кино. После люди окружили меня и спрашивали, где в это можно одеться. Я вышел на улицу. Серо. Грязно. И я сказал себе: «Сколько можно врать себе и им?» И ушел из моды. Учил студентов. Консультировал в самых обыкновенных ателье. Здесь одевали людей, а не занимались показухой. Мода — это не то, что мы говорим и показываем, а то, что есть на улице.

— Что изменил Зайцев в своем Доме моды в нашей «показушной» практике?

— Я продаю все, что шью. Мы же работаем и как ателье. Тысячу человек в месяц я одеваю. Это, сами понимаете, слезы... Но и на это уходит уйма сил, а ведь последнее время шить вещи вообще не из чего.

— Но вы же Зайцев!

— Я просто модельер Зайцев без званий и прав. Два самозванных театра разъезжают под моим именем, нанося урон авторитету моей моды. Более того, кооператоры покупают у меня вещь, распарывают ее и шьют, пользуясь, по сути дела, моим лекалом. Ставят модель на поток. У них мощности значительно, чем у меня. А я не могу им предъявить никакого иска. Я никак и ни от кого не защищен.

— В это трудно верится. Ведь вас же знает весь мир.

— Это ничего не значит. Хотя я стараюсь никуда и ни во что не вмешиваться, никого не критиковать. Мне бы одеть наших людей получше...

— Так почему же вас не любит начальство?

— Не только оно. Я ведь отстаиваю право человека одеваться средствами искусства. Я — за триумф личности... Сколько грязи вылили на меня за это и льют до сих пор!

— И все-таки многие коллеги наверняка считают вас счастливым — свой Дом моды...

— Здесь слепое везение. Перед Олимпиадой меня разыскал Тяжелников и предложил одеть наших спортсменов. Оказалось, что на проспекте Мира стоит законсервированная стройка Дома моделей. Вот мы и доводили все это до ума...

— И все-таки, скажу вам откровенно, ваш Дом моделей даже женщинам, не очень стесненным в деньгах, не может одеть, как говорится, с ног до головы. А где взять шляпку, обувь, сумку?

— Конечно, очевидно, что всех моих планов в отношении Дома Зайцева осуществить не удалось. А ведь я мог бы делать абсолютно все: головные уборы, обувь, украшения. Пока что мною как художником-ювелиром воспользовалась только фирма «Яблонекс»...

— А как вам наши юные модницы?

— Я езжу на метро. Вижу женщин. Попадаю весь мир, я нигде не встречал такого обилия красивых лиц, как у нас. Ни на кого на свете я не променяю наших женщин. Но прически... Но раскраска... Но одежда... Они не дают женщине реализовать природой данные возможности.

— А как вы относитесь к тому, что большинство наших женщин, ну, как бы это сказать, несколько крупнее, нежели среднестатистическая европейка?

— Меня это ничуть не смущает. Это, если хотите, родовая черта славянки. Славянки, заметьте, величавой. Меня волнует другое. Я чувствую, что происходит какая-то деградация нации, что проявляется во внешнем облике человека. Есть такое понятие — порода. Та квинтэссенция внешних признаков, по которым безошибочно определяется национальность человека. Россия этим всегда славилась. Но был вырезан генофонд. А ведь он несет в себе не только духовные национальные черты, но и проявляется во внешних чертах...

— Во всем мире люди чтут свой национальный костюм. Везде его наличие рядом с самой современной одеждой — лишний повод для женщины выглядеть еще более красивой и привлекательной. Но только не для наших соотечественниц...

— А можно ли упрекать их в этом? Если взглянуть на то, во что одеты наши фольклорные ансамбли, едва ли кому захочется примерить это на себя. Уродство, кич! Сарафаны из подкладочной ткани, аляпистость и безвкусица, чего никогда не было в истинном народном костюме. Чем такая профанация, уж лучше ничего...

— Вам ли не знать, что не от хорошей жизни так одеваются. Ведь эпоха жесточайшего дефицита диктует свои правила. И вообще, как вы думаете, нищета и искусство — вещи совместимые? Хотя говорят, что талант через любой асфальт пробьется...

— Я глубоко убежден, что нищета иссушает творческие силы, и все эти разговоры про пробивающиеся таланты — отговорка государства, не способного обеспечить нормальное развитие и существование человеческой одаренности.

Мы — страна парадоксов. В обществе, где женщины долгие годы отводилась роль «боевой подруги», «сударницы», «соратницы», оседлавшей «стального коня», долбающей уголь и асфальт, где сама ее природная красота подвергалась анафеме и расценивалась как прямой результат «тлетворного влияния Запада», рождается человек, изнутри взорвавший основы отечественного мранобесия по отношению к прекрасной половине человечества.

Вячеслав Зайцев открыто заявил о своем преклонении перед красиво одетой соотечественницей. Он, как метеор, явившийся неведь откуда, спалил бесполой гардероб, заготовленный нашей легион промышленностью для советской женщины, наверное, на два столетия вперед.

Судьбы наших женщин и его, модельера Зайцева, очень схожи: они рвутся к идеалу, к красоте, а им... Им, как и заведено, подрезают крылья... Об этом беседа, которую мы предлагаем сегодня вниманию наших читателей.

Вячеслав ЗАЙЦЕВ: «ДАВАЙТЕ ЧУТЬ-ЧУТЬ ПОТЕРПИМ...»

— Но сейчас времена меняются! И если наше материальное положение оставляет желать лучшего, то хотя бы складывается иная концепция развития культуры и искусства.

— Должен вам сказать, что многое зависит от того, кто проводит в жизнь эти концепции. Люди, одевшие нацию в черно-серые одежды, — именно они сегодня правят бал в легкой промышленности...

— А мы и не мыслим себя иными, как черно-серыми. Не так марио.

— Нас сделали такими. Молодым я еще не мог понять, почему мы отказались от цветового богатства, к которому русский человек всегда льнул душой. Но после я понял: сама наша действительность не предполагала цвета в жизни. Государственная политика была построена на изъятии цвета из жизни человека. Ведь цвет привлекает внимание, а мы должны были работать, работать и не думать ни о чем. Внедрялась одежда, рассчитанная не на конкретного человека, а на некоего субъекта без роду и племени. Нигде в мире этого нет.

— И долго нам ходить «толпой унылою» и черно-серой?

— Я оптимист... Что-то действительно медленно, туго, но все же сдвинулось с места. И на своих показах, особенно в глубинке, я говорю женщинам: «Давайте чуть-чуть потерпим...»

— А вам лично сколько еще терпеть неприятие тех, кто бы должен был использовать ваш талант целиком и полностью?

— Я довольно спокоен в этом отношении. Видите ли, в самые трагические моменты, а их было предостаточно в моей жизни, я не мыслил себя вне моей земли. Никогда. Более того, я уверен в моей личной миссии перед народом. Я должен вернуть то, что мне даровано Богом.

— Что-то вас утвердило в этой мысли?

— В тридцать три года я попал в катастрофу. Из такси, на которое налетел грузовик, меня «вынимали» с помощью автогена. Я не должен был выжить. Меня буквально сшили, распяли на большой койке. Это продолжалось год. Еще полгода учился ходить. Я думаю, жизнь, дарованная мне свыше, обязывает ко многому.

— Как бы вы могли сформулировать свое жизненное кредо?

— Я лучше прочитаю свои стихи. В них — я весь...

Писал я ранее о том,

что жизни смысл я вижу

В стремлении отдачи постоянной, —

То истина, то свято для меня.

Но получить извне хочу я то же

Лишь только для того,

чтоб вновь отдать.

И в этом замкнутом кольце

хочу я жить...

— Вы давно пишете стихи?

— Писал их несколько месяцев кряду практически безостановочно. Был такой

момент в жизни, когда я не мог даже рисовать. Спасали стихи.

— А вы много рисуете? Я имею в виду не только эскизы новых моделей.

— Я рисую всегда, каждую свободную минуту. Иногда даже на худсоветках, во время разговора. А больше по ночам. Кстати, и моделями одежды тоже занимаюсь ночью.

— А сколько вы спите в сутки?

— Пять часов, редко шесть. Уже при- вык, и меня это не тяготит.

— Где-нибудь выставляли вашу графику?

— Был небольшой вернисаж в Таллинне. В США оставил на память несколько рисунков. Их выставили и продали за хорошую цену. А теперь предложили показать мои работы в Лос-Анджелесе, в галерее, где висят Шагал и Пикассо.

— Не боитесь?

— Нет. Купил себе несколько полотен. Начну писать маслом, чего еще не пробовал. Уверен, что получится.

— Ничего не скажете, признание неожиданное!

— И тем не менее это так. В юности у меня был хороший голос. Знаете, залихватский такой. Как любил я петь народные песни! Находили талант, приглашали учиться. Но надо было помогать маме.

— Так, может быть, судьба и сказала свое веское слово?

— Да нет. Просто исторически сложилось дело моды так, что его надо было возглавить. Быть первым. Ведь Петр нарядил нас в заграничное платье, и потом мы только и поглядывали в Европу. А сейчас американцы сказали мне, что та коллекция, которую я им привез, опередила разработки их модельеров года на три. В сущности, в отношении моды ни Франция, ни Италия не могли бы нас оставить позади, если бы я мог развернуться.

— Быть может, именно невозможность реализовать себя полностью в моде и толкает вас к изобразительному искусству?

— Я чувствую себя живописцем и графиком. Всю боль и трагедию жизни мне хотелось бы выразить в них...

— Не думаю, что сама мысль о нашем уходе из «большой моды» пришлась бы по душе нашим женщинам. Мы все еще ждем от Зайцева чуда: много модной, красивой и... не такой дорогой одежды.

— Удорожаю ее не я, а обстоятельства, в которые поставлен. Ведь никто не задумывается над тем, что мои платья и пальто, имея я возможность сшить не сто, а тысячу штук, стоили бы гораздо дешевле. И знаете, я тоже надеюсь на чудо, что получу возможность осуществить мою мечту: одеть своих соотечественниц так, чтобы подчеркнуть их природную привлекательность и женственность.

Я хочу всех вас увидеть красивыми!
Беседу вел Л. БЫЧЕНКОВА